

Резь келчб. - 1998. - 92х68 (75) - 97.

Владимир **КРУПИН:**

К счастью, наш народ мало читает

Владимир Николаевич Крупин, автор многих книг прозы, в творчестве своем проповедует исконно русские духовные ценности. Особенное место в эстетике Крупина занимает православная традиция. Слепое копирование всего западного он считает крайне губительным для России явлением. Россия, как утверждает писатель, единственная в мире страна, которая живет "не по уму, а по душе".

— **Владимир Николаевич, только что вы возвратились из поездки по стране. Расскажите, что вы увидели? Как живут люди?**

— Если все время жить только в Москве, то можно прийти в совершенное уныние, в безотрадное отчаяние, потому что столица наша оккупирована чужими нравами, заполнена не только западной рекламой, но, я бы сказал, вообще каким-то чужебесием. И если бы в Москве не было Данилова и Наводевичьего монастырей, не было бы чудных наших храмов и других святынь, город был бы уже окончательно нерусским. Я вернулся из большой поездки по Уралу и Сибири. Впечатлений множество. Самые отрадны. Казалось бы, люди непрерывно оглушаются, оглушаются уже более чем десятилетней пропагандой нерусского образа жизни. Авторитет русского писателя насильственно принижается, убивается вовсе. В средствах массовой информации голоса русского писателя просто не слышны совсем. И поэтому было ощущение, что нас уже некому слушать. Но — вообразите себе! — везде, где бы мы ни выступали, битком набитые аудитории! И в Оренбурге, и в Перми, и в Вятке, и в Омске, и в Иркутске. Везде! И, знаете, такое ощущение, что сама природа сохраняет в этих людях благодетельные и благодатные качества, данные человеку самим Создателем и внушенные родителями, родиной, местом рождения. Для девушки эти качества — целомудрие, стыдливость. Для юноши — мужество, честность, ответственность. Все-таки мы живы! И в провинции это особенно чувствуется.

— **Надежду люди не потеряли?**

— Живут и надеются. Но плохо живут. В иных местах не отапливается жилье, например. Нет ни мазута для котельной, ни угля. И приходишь к кому-то домой, а в квартире 5 — 6 градусов. На кровати сидит старуха в валенках и в шубе. Дети все закутанные. А люди терпят и надеются. Помести в наши условия любого другого — немца, француза, американца — они бы не выжили.

— **В Москве эту жизнь провинции плохо представляют...**

— Так ведь ее по телевизору не показывают. Показывают все больше жизнь бомонда — политические, актерские, эстрадные тусовки. Они нам диктуют, что носить, что есть, о чем думать даже. Произошел какой-то

сдвиг в общественной жизни. Все перевернулось с ног на голову. Вся эта актерская возня — за сценой и возле сцены — это миллионная доля процента общественной жизни. Но это так раздувается тем же телевидением, что всем уже кажется, будто это и есть важнейшая сторона нашего бытия. Или другое: преступления, убийства, разборки, катастрофы — это тоже занимает ничтожную долю процента общей жизни. Но только об этом нам все время и талдычат. У нас полстраны махало руками по приказу Кашпировского и Чумака. Теперь наступил второй этап одурманивания — людей ловят на приманку так называемой свободы. Но кто требует свободы? — свободы требуют бесы. А православный человек уже свободен. Он свободен в любом месте и при любых обстоятельствах. Смерть для него — это соединение с Богом. Имущество ему не нужно. В гроб с собой он ничего не утащит. Это ощущение свободы, свободы духа, изначально присуще православному человеку. А зачем нечестным, нечестивым людям свобода? — чтобы легче воровать, грабить, спекулировать, обманывать.

— **Почему, на ваш взгляд, в последние годы не появляются новые значительные литературные произведения?**

— В России писателю нужно прежде умереть, а потом уже все узнают его величину. "Дневник писателя" Достоевского выходил когда-то несколькими сотнями экземпляров. А уже потом был заслуженно издаваем огромными тиражами. Правда, было время, когда книги у нас издавались полновесно. Возьмите, например, "Лад" или "Прощание с Матерой" — эти книги сразу имели огромные тиражи. Одна "Роман-газета" давала какой тираж! А сколько было еще и отдельных изданий! Я и сегодня мог бы назвать ряд славных имен. Это поэт Владислав Артемов, прозаики — Юрий Козлов, Александр Трапезников, Александр Сегаев, Михаил Попов, Николай Шепилов, Михаил Лайков, Александр Громов, Вячеслав Дегтев. Есть немало количество писателей, которые пишут в лучших традициях русской литературы, не опускаясь до "коммерческой". И мне кажется, за ними будущее.

— **А как вы оцениваете нашу литературу современных писателей?**

— С огромной безразличностью. Это даже в руки не хочется брать. Не может быть

искусство интернациональным, пока оно не национальным. Все эти эксперименты — это для очень узкого круга. Ну теще, может быть, интересно, ну жене, может быть, скажет: вот какой гениальный мой Вася. И все.

— **Некоторые критики сейчас говорят, что значительных произведений не появляется оттого, что писатель не в состоянии выстроить характеры своих персонажей. Потому что сам писатель не знает, что будет завтра с ним, со страной. Следовательно, и герой его будет столь же неуверенным в себе и характер его останется нереализованным.**

— Ой, не знаю. Я как раз резко иначе это понимаю. А зачем думать, что будет завтра? Вообще о завтрашнем дне думать совсем даже надо. Мы же сегодня живем. Надо полностью раствориться в воле Божией. На выездном пленуме Союза писателей, который недавно прошел в Омске, я выступил против понятия "активный герой". Критики все требуют активного героя. Я говорю: ну хорошо, а какой активный герой Обломов? Он лежит и лежит. Он уже XX век весь перележал. И XXI будет лежать и его перележит. У Распутина старуха умирает — какой тут активный герой? Понятие "активный герой" пора заменить понятием "позиция автора". А позиция автора какая? — если он воцерковленный человек, православный человек, тогда ему даже и думать не надо, о чем писать. Вообще писатели ближайшего будущего должны понять, что они не могут брать на себя грех творить, как Творец. Это же грешно. Мы же люди. Мы имеем права судить раньше Божьего суда. А что мы имеем право?.. Вообще-то лучше бы совсем не писать. Но раз уж это зудит, раз уж дана кому-то такая способность составлять слова во фразы, фразы в абзацы, то о чем тогда писать? — конечно, о состоянии, которое испытывает душа. Если мы и должны писать, то только ради души. Ради ее спасения.

— **А создавать характеры и не надо, выходит?**

— Кому как получится. Мы в плену этих стереотипов. Характеры... Тут во многом все-таки дьявольская основа.

— **Но, согласитесь, за рубежом наша литература именно благодаря ее неповторимым образам и характерам получила признание.**

— К сожалению, на Западе по русской литературе изучали и изучают и самую русскую жизнь. И впечатление

о нас составляют совершенно неправильное. Литература же наша очень самонадеянна. За свою самонадеянность она сейчас и получила справедливую затрепину. Она зарвалась по своей самонадеянности. Она стала учителем жизни. Заменяла собой идеологию. А писатели сделали шестерками у правительства. Надо — воспевает кукурузу. Надо — снос деревень. Помните? — "неперспективные деревни". Надо — поворот рек вспять будем оправдывать. Что угодно выполним, только заказывайте. Это ненормально, неправильно. Поэтому литература наша совершенно справедливо переживает теперь период очищения.

— **Но это кризис?**

— Нет. Это не кризис. Это как бы выселение из особняка в землянку. Надо и тут пожить. Вспомнить, как заготавливаются дрова. Как латается худая крыша. А то все по паркету бегали. А надо еще и по земле походить.

— **Наша творческая интеллигенция в последнее время отчетливо разделилась на две противоборствующие группировки. В Союзе писателей, помнится, едва ли не до потасовок доходило.**

— Сейчас страсти поутихли. Во всяком случае прозаики вполне понимают, что поле русской жизни, русской словесности настолько гигантское, что у каждого найдется свой загон. Запрягай лошадей и паши на здоровье. Поэтому среди прозаиков меньше всяких там склок, интриг. Если я встречаюсь, скажем, с Баклановым, с Борщаговским, Курчаткиным, Золотусским, другими, мы нормально разговариваем, нормально относимся друг к другу.

— **А все-таки этот разлад, наверное, сказывается отрицательно на духовной жизни общества?**

— На духовной — нет. Видите ли, мы часто употребляем термин "духовная жизнь", не отдавая отчета себе в том, что он же полностью религиозен. Духовное — это совсем не то, что душевное. Душевно мы сейчас с вами сидим, разговариваем, можем кофе попить. Это все душевное. Но духовность-то требует жертвенности. Но, к счастью, наш народ мало читает. И, может быть, это еще как-то оберегает его духовность. Это прекрасно.

— **Вы говорите: к счастью?**

— А чего у нас читать? Я сказал как-то одному человеку: вот вы не читали того-то и того-то. А он ответил: да разве мне читать нечего? — есть же Евангелие. А зачем вообще читать? Чтобы спастись, не надо читать. Во всяком случае, светскую литературу. Духовную нужно читать. Я только приведу пример. Прекрасные, большие, огромные, можно сказать, произведения русской прозы — "Тихий Дон" Шолохова, "Окаянные дни" Бунина, "Солнце мертвых" Шмелева, "Разгром" Фадеева, "Щелка" Зазубрина. Но ведь все они описывают уже пролившуюся кровь. Если бы они своими книгами эту кровь остановили. Если бы они на будущее сделали какие-то обереги. Ничего подобного! Кровь как хлестака, так и хлещет. Человек был зверем — становится зверем еще большим. Ничему его литература не учит. А считается, что названные писатели — наши литературные флаги и им надо следовать. Но вот другая литература. Написана тем же языком, но с гораздо большей силой проникновения и достоверности. Это сочинения святителей Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Тихона Задонского, Филарета Московского, отца Иоанна Кронштадтского. Наследие, которое нам оставили святые отцы. Вот если бы мы следовали за этими образцами, то тогда, конечно, наша литература становилась бы духовной. По-настоящему духовной. Литература будет настолько необходима людям и полезна для людей, насколько она, литература, почувствует необходимость своего воцерковления. Вот формула. Почему люди у нас не верят правительству? Почему идет повсеместная ругань в его адрес. Причем справедливая ругань. Потому что есть формула: народ предан властям настолько, насколько они, власти, преданы Христу. Эту формулу никому никогда не отменить.

— **В ваших повестях "Прощай, Россия" есть глава "Вперед, к варварству!" Как понимать такой призыв?**

— У человека есть ангел-хранитель и ангел-искуситель. И если человек не идет к Богу, его мгновенно к себе затаскивает лукавый. Поэтому обезбоженная жизнь, несомненно, ведет к варварству. Когда меня упрекнули, что-де я зову к средневековью, я тогда ответил: средневековью Россию олицетворял Сергей Радонежский — как вам это средневековье? Надо звать к такому средневековью? — конечно, надо. Этот призыв не горизонтально направлен. Это призыв вверх. К высотам духовности. А то, что эта высота стоит от нас не несколько веков назад, так это нисколько не умаляет ее значения. А вообще, мне кажется, сегодня очень даже хорошее время для России — время осознания, время для прозрения. А прозрение идет очень быстрыми темпами.

Встречай
Юрий РЯБИНИН.